

УДК 93/94(091)

Формирование культурно-образовательной среды в годы Гражданской войны в Саратовской губернии (на материалах Балашовского уезда)

С. В. Лёвин

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и Московского региона, Московский государственный областной университет, serg.lewin@yandex.ru

Придя к власти, большевики, наряду с социально-экономическими, политическими, государственно-правовыми преобразованиями, приступили и к культурно-образовательным изменениям. В статье предпринята попытка рассмотреть процесс становления советской культуры и образования в российской провинции на примере и материалах одного из уездов Саратовской губернии. Формулируется вывод, согласно которому начинания уездных властей в этой области общественной жизни не были хорошо продуманы и организованы. Их отличительной особенностью как в самом уездном городе, так и в окрестных селах и деревнях, являлись жесткие командно-административные методы работы местных советских и партийных работников, многие из которых были совершенно некомпетентны в данной сфере.

Ключевые слова: Гражданская война, культура, образование, советская власть, уезд.

Поступила в редакцию: 24.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Formation of the Cultural and Educational Environment During the Years of the Civil War in Saratov Gubernia (Based on the Materials of Balashov District)

S. V. Lyovin

Sergei V. Lyovin, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, Moscow Region State University, 24 Vera Voloshina St., Mytishchi 141014, Russia, serg.lewin@yandex.ru

Having come to power, the Bolsheviks along with socio-economic, political, state and legal transformations began cultural and educational changes. The paper attempts to consider the formation of Soviet culture and education in the Russian province using the example and materials of one of the uyezds of Saratov gubernia. The author comes to the conclusion that the undertakings of the uyezd authorities in this sphere of public life were not well thought out and organized. Their distinctive feature both in an uyezd town itself and in the surrounding hamlets and villages was strict command and administrative methods of work of local Soviet and party workers many of whom were completely incompetent in this sphere.

Keywords: Civil War, culture, education, Soviet power, uyezd.

Received: 24.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-394-397>

Становление советского строя в России сопровождалось кардинальными изменениями во всех областях общественной жизни, в том числе и в духовной сфере. Создание культурно-образовательной среды на принципиально новых идейных основах стало одной из важнейших задач большевиков. Особенно значимым это было для малых городов российской провинции. Как в них происходило ее становление, можно рассмотреть на примере одного из аграрных уездов Саратовской губернии – Балашовском. В течение месяца, с 25 октября по 24 ноября 1918 г., в самом Балашове и уезде большевики организовали народный театр, музыкальные и театральные кружки, киносекцию, но «дело их прочной организации» тормозилось нехваткой, а в ряде случаев и полным отсутствием «денежных средств, литературы, декоративных и пр [очих] необходимых принадлежностей»¹. Не удалось создать народный хор, поскольку «объявления в газете и обращение в профессиональные союзы не дали должных результатов: по-видимому, в сознании народных масс еще не созрела потребность в необходимости созидания хорового дела. Что касается оркестра, то ячейка таковой имеется и находится в степени дальнейшего развития...»².

Если народный хор организовать так и не удалось, то оркестровая ячейка получила развитие, потому что городской духовой оркестр оказался востребованным для различных митингов и демонстраций. «В летнем саду в рабочем парке всё время гремела музыка. Митинг шёл за митингом»³, – вспоминал журналист, главный редактор местной газеты «Борьба» М. С. Гельфанд.

Из-за спешки и плохой организации у всех вышеперечисленных секций, сразу же после их образования, начались трудности. Так, у театральной секции не хватало «парикмахерских, декоративных и других театральных принадлежностей», для кинематографической секции «ввиду снежных заносов не были своевременно доставлены картины...», а работа музыкальной секции, после ухода ее руководителя, вообще «не имела определённого характера»⁴. В докладной записке о реорганизации в городе театрального дела, составленной для театральной коллегии, заведующий секцией Н. Б. Кайсаров, обосновывая необходимость выделения денег на театральную студию, писал: «Театральное дело в г. Балашове должно раз навсегда прочно устояться, свободно развиваться и служить руководящим органом для уезда»⁵. Нехватка или отсутствие денег стала одной из главных причин, препятствовавших

организации того или иного культурного мероприятия, функционирования кружка, секции, студии на постоянной основе. Например, кинематографическая секция довольно быстро осталась без картин, поскольку кинопрокатчики требовали предоплату за них, а у секции не было денег.

Пожалуй, одним из немногих успешных проектов, который сразу же приобрел популярность у городского обывателя, стал народный клуб. Его цель определялась в уставе как «объединение пролетарских масс на почве культурных и разумно-полезных развлечений»⁶. «Буржуазные игры», к которым отнесли, например, бильярд, запрещались. Данный запрет даже закреплялся специальным пунктом № 3 протокола заседания уездного исполкома от 27 августа 1918 г.: «Доводится до сведения всех граждан, что игра на бильярдах воспрещается. Имеющиеся бильярдные конфискуются и перевозятся в советскую столовую»⁷. Универсальными, образно говоря, представляются обязанности заведующего этим клубом. Он должен не только следить за «игрой в лото и т. п.», но и «не допускать распитие крепких напитков, до разрешения высшего ведомства; не допускать скандалов, кушанья семечек в помещениях, ломанья игральные карт, бросанья на пол окурков и уличных выражений; не допускать лиц в пьяном виде, как в клуб, так сад и театр»⁸. По сути заведующий совмещал функции руководителя и охранника. Однако лужганье семечек и сквернословие стали обычным явлением в народном клубе. Газета «Красный пахарь» в октябре 1919 г. писала: «Но не только в саду, даже и в летнем театре некоторые любители семечек никак не могут отстать от этой “забавы”. На этой почве бывают курьёзы. Так, на прошедшем концерте, певица Асеева перед началом исполнения одного романа обратилась к публике: “Кто-то грызёт семечки, прошу прекратить”. Становится окончательно стыдно за нашу публику»⁹. Администрация театра даже вывесила в фойе объявление, грозившее штрафом за «лужганье семечек».

Хуже, чем в городе, обстояли дела по созданию и развитию культурно-образовательной среды в селах и деревнях уезда. Например, руководитель театральной секции Аркадакской волости жаловался в Балашовский уездный исполком на вмешательство в работу секции представителей местной власти и просил разобраться с этим вопросом¹⁰. 7 октября 1918 г. житель села Большой Мелик Меликской волости И. Ф. Атяскин писал в подотдел искусств отдела образования Балашовского уездного исполнительного комитета о необходимости организации в селе драмкружка и избы-читальни. «В апреле месяце, сего года, – сообщал он, – в нашем селе был организован драматический кружок, и даже пришлось один раз ставить спектакль, но граждане моего села под наущением тёмных лиц кулаков и провокаторов форменным образом разогнали кружок. <...>. В настоящее время желательно бы вновь организовать драматический кружок, но, во-первых, нет средств и нет подходящего свободного

помещения. Желательно бы иметь отдельный дом, где была бы библиотека-читальня и мало-мальски подходящая комната для спектаклей»¹¹.

Следует отметить, что процесс организации библиотек и изб-читален в селах и деревнях уезда проходил достаточно интенсивно. На январь 1919 г. в уезде функционировало 16 библиотек и 85 изб-читален. На конец октября 1920 г. в уезде работало 34 библиотеки и 159 изб-читален¹². Библиотеки организовывались в наиболее крупных селах и объединяли избы-читальни, которые должны были иметься во всех мелких селениях. На содержание библиотеки выделялось 11030 руб. в год. Она работала 6 дней в неделю, а изба-читальня – 3 дня. Библиотекарь должен был не только выдавать книги, но и заниматься «культурным просвещением населения». Им должно быть лицо, «или принадлежащее к советским партиям, или же, в крайнем случае, лицо, изъявившее согласие беспрекословно подчиняться распоряжениям советской власти»¹³. Возможно, предъявлять такое требование к библиотекарям местные власти побудило письмо жителя села Песчанки Самойловской волости Г. П. Кожарина от 28 ноября 1918 г. в уездный отдел народного образования. «У нас в с. Песчанке, – жаловался он, – есть хорошая библиотека с большим количеством книг и с хорошим содержанием их, но заведующего в ней нет, вследствие чего библиотека бездействует и не предвидится, в скором времени, направить её на путь функционирования, так как, должностные лица советских учреждений к библиотеке относятся как к ненужной вещи, а местная интеллигенция, недовольная современным государственным политическим строем в стране, совершенно откачнулась от нас, крестьян и не хочет совсем служить народу в смысле самообразования его. <...>. Да разве мы виновны, что сейчас господствуют большевики, а не кадеты и эсеры, ведь кто бы, не господствовал в стране, но мы всё равно хотим самообразования...»¹⁴.

Приступив к созданию библиотек, большевики столкнулись с серьёзной проблемой – нехваткой грамотных, образованных людей, способных выполнять обязанности библиотекаря. В дальнейшем к этой проблеме добавилась еще одна – снабжение библиотекарей продовольствием. На местах представители власти попросту забывали вносить их в список нуждающихся в продовольственном обеспечении. Показательно в этом отношении письмо заведующего Боцманово-Ивановской волостной комиссии по ликвидации безграмотности и одновременно выполнявшего обязанности библиотекаря Николая Фёдорова в Балашовскую уездную комиссию по ликвидации неграмотности от 24 января 1921 г. «Прошу, – писал он, – Балашовский укомликбез принять все зависящие от неё меры к тому, чтобы я своевременно, без задержки, получил продовольствие. Не имея хлеба продуктивно работать нельзя. Я в течении двух недель обращался к волотнаробу за получением продовольствия, так как мне обещали выдать его немедленно, но все мои неоднократные поездки оказались напрасными. Мне, не имеющему

куска хлеба, пришлось просить у крестьян хлеба для себя и для голодающего семейства. Прошу ещё раз обратить самое серьёзное внимание на моё положение. Если повторится задержка выдачи хлеба ещё раз, я работать отказываюсь»¹⁵.

Не лучше обстояло дело в уезде со школьным образованием. На 13 октября 1918 г. в ведении городского отдела народного образования находилось 12 начальных общеобразовательных школ и 1 профильное учебное заведение. Но их состояние оставляло желать много лучшего: «В школах нет ни географических карт, ни научных пособий по ботанике, зоологии и географии, ни физических приборов»¹⁶. В докладе городского уездного отдела народного образования о состоянии «школьного дела» в уезде от 12 ноября 1918 г. констатировалось его плачевное состояние. «Общая разруха не обошла и школы, – говорится в докладе, – они, вследствие постоя солдат, оказались в полном упадке и доведены были до такого состояния, что потеряли вид и значение школы: стены исписаны, окна разбиты, двери и мебель поломаны, уборные приведены в негодность, классной мебели недостаточно...»¹⁷. На состоявшемся 22 ноября 1918 г. заседании комиссии городского отдела народного образования было принято решение о постепенном восстановлении волостных школ, в которых, помимо учебного процесса, предполагалось наличие горячих завтраков для учеников.

В школах появляются правила поведения для учащихся. Определенный интерес представляют правила поведения учащихся школы № 3 г. Балашова, разработанные школьным учительским советом, от 12 декабря 1918 г., обнаруженные в архивном отделе муниципального казённого учреждения «Административно-хозяйственное управление Балашовского муниципального района». Они свидетельствуют, насколько сильно деформировались повседневные практики и менталитет подрастающего поколения под воздействием революционных событий 1917 г. и последующих кардинальных изменений общественной жизни. Первые три пункта правил носят запретительный характер: «1. Запрещается курение в классах, зале и коридорах. Курение допускается лишь в особой комнате, на то отведённой, где за чистотой и исправной вентиляцией должны следить дежурные и самих учащихся. 2. Безусловно, запрещается шелушение семечек в стенах школы. 3. Запрещается быть в шапках и фуражках в классах, зале и коридорах»¹⁸.

Как видим, учителя в первую очередь стремились вернуть в советскую школу атмосферу сотрудничества педагога и учеников, а не «революционного натиска на старое, отжившее». К сожалению, далеко не везде руководство школы, ее педагоги имели такой взгляд на учебный процесс. Многие учителя предназначение советской школы видели не столько в предоставлении знаний подрастающему поколению, сколько в воспитании «строителя коммунизма», «бойца мировой революции» и т. д. Это самым негативным образом влияло на учебный процесс.

Впрочем, даже такого рода учителей не хватало. Обеспеченность школ уезда педагогами оставалась на довольно низком уровне, особенно волостных. Например, жители с. Тростянка в сентябре 1919 г. жаловались в уисполком на отсутствие в школе учителя и необходимых учебных принадлежностей¹⁹. Из Самойловской волости в уездный отдел народного образования осенью 1919 г. поступило письмо, в котором сообщалось об «уходе в продолжительный запой» школьного учителя М. Ивантьева²⁰. Газета «Красный пахарь» от 28 января 1920 г. обратила внимание на плачевное состояние школьного дела в с. Малый Мелик: «Учительский персонал не ведёт никакой культурно-просветительской работы, даже не аккуратно ведутся занятия в школе. Так, учительница Е. Финогонова уехала в отпуск и до сих пор не возвращается. Вторая учительница П. Дадаева, тоже собирается уйти из М. Мелика, и тогда школа совсем опустеет»²¹.

Острым оставался вопрос обеспечения школ дровами. Корреспондент «Красного пахаря» Охлопков, побывав в феврале 1920 г. в трех волостях уезда, писал: «На днях мне пришлось проехать несколько волостей, как то: Романовскую, Бобылёвскую и Родничковскую, где пришлось наблюдать печальную картину. Несмотря на то, что с самой осени уездным исполнительным комитетом было вынесено протокольное постановление о снабжении топливом школ и учреждений – в первую голову, до сего времени за отсутствием топлива много школ бездействуют – и лишь кое-где влачат жалкое существование»²². Рассматривая состояние школьного дела в Ивановской 2-й волости, газета в феврале 1920 г. сообщала: «Почти половина школ в волости или совсем не функционируют, или занятия в них то и дело прерываются. Причина к этому одна – отсутствие топлива»²³.

Нередко помещение школы использовалось не по назначению, например, для проведения собраний населения, партийных заседаний. Советский работник Г. И. Щербаков, приехавший на собрание жителей с. Выселки Аркадакской волости в октябре 1919 г., с удивлением обнаружил, что собрание должно состояться в школе: «Когда мы на следующий день пришли в школу, где должно состояться собрание, то нам бросилась в глаза вся беспорядочность, которая царил в школе. Самый большой класс школы был битком набит крестьянами, которые как бы наперегонки грызли семена, кругом носился неопишумый шум...»²⁴.

Следует обратить внимание на вопрос отношения сельчан к процессу учебы и учительскому персоналу. Еще со времён императорской России у сельского обывателя сложилось уважительно-почтительное отношение к учебе как некоему процессу, позволяющему образованному человеку «выбиться в люди», и к учителю – как главному источнику знаний и общей культуры. Впрочем, последний элемент для крестьян не всегда играл существенную роль. Для них гораздо важнее были практические выгоды от полученного образования.

Произошедшие сдвиги в общественной жизни изменили взгляд сельского обывателя на школу и ее значение. Образование максимально обесценилось, оно оказалось невостребованным сельским социумом. Поэтому во многих селах и деревнях занятия просто прекратились, а здание школы, если оно имелось (чаще в роли школы выступала обычная изба, только более просторная по сравнению с другими домами), превращалось в Народный дом, в котором и устраивались собрания жителей. Удивительно, но в некоторых волостях уезда в 1918–1921 гг. сохранялись частные учебные заведения, организованные еще до революции. К примеру, в Самойловке в 1919 г. функционировала школа 2-го разряда А. И. Митякиной. В ней еще в ноябре 1919 г. учащиеся называли друг друга «барышнями» и «кавалерами»²⁵. В школе существовали кружок самообразования учащихся и театральная секция. Учителя школы, математик С. Н. Габузов и его жена, историк и филолог М. В. Габузова, занимались репетиторством, беря по 50 руб. за месяц занятий²⁶.

В целом в годы Гражданской войны создать в уезде стабильно функционировавшую систему школьного образования местной власти не удалось. Можно обозначить следующие причины этого: а) невозможность в условиях проходивших боевых действий на территории уезда укрепить, а в большинстве школ создать их материальную базу; б) катастрофическая нехватка учительских кадров, особенно предметников; в) нехватка, а во многих случаях полное отсутствие учебников, карт, глобусов, тетрадей, канцелярских принадлежностей; г) несвоевременный подвоз (или вообще отсутствие такового) дров.

Таким образом, можно констатировать, что все попытки балашовских властей быстро, фигурально выражаясь, «кавалерийским наскоком», командно-административными методами, создать постоянно и результативно действующие культурные и учебные учреждения успехом не увенчались. Справедливости ради следует отметить, что и до революции купеческий уездный город, каковым являлся Балашов, и аграрные окрестные села и деревни имели невысокий уровень культурного развития. В плане образования было сделано несколько больше, особенно балашовским земством, которое открывало новые школы как в самом городе, так и в крупных населенных пунктах уезда. А потому начинания большевиков в сфере образования оказались более результативными, чем в культурной.

Примечания

- 1 Архивный отдел муниципального казённого учреждения Административно-хозяйственного управления Балашовского муниципального района (далее – МКУ «АХУ БМР»). Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
- 2 Там же. Л. 1 об.
- 3 Цит. по: *Смотров В. В., Смотров О. В.* Балашовское Прихопёрье в огне гражданской войны (1918–1921). Балашов : Николаев, 2006. С. 146.
- 4 МКУ «АХУ БМР». Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.
- 5 Там же. Д. 36. Л. 1.
- 6 Там же. Д. 54. Л. 4.
- 7 Там же. Ф. Р–39. Оп. 1. Д. 6. Л. 108.
- 8 Там же. Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об.
- 9 Мелочи жизни. На «бойком» месте // Красный пахарь. 1919. 14 окт. № 205. С. 2.
- 10 См.: Коллекция материалов по теме «Аркадакский край в годы гражданской войны» // Аркадакский краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд. Папка № 3. Л. 6.
- 11 МКУ «АХУ БМР». Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 57. Л. 61.
- 12 См.: Три года советской власти // Красный пахарь. 1920. 25 окт. № 216. С. 2.
- 13 МКУ «АХУ БМР». Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.
- 14 Там же. Д. 37. Л. 34.
- 15 Там же. Д. 170. Л. 132–132 об.
- 16 Там же. Д. 45. Л. 30.
- 17 Там же. Л. 29.
- 18 Там же. Д. 37. Л. 86.
- 19 См.: Историко-краеведческий музей МОУ СОШ с. Тростянка Балашовского района [Документы стенда].
- 20 Сектор по делам архивов администрации ОМО Самойловского района. Ф. 64. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.
- 21 Плохо работают (с. Малый Мелик) // Красный пахарь. 1920. 28 янв. № 16. С. 2.
- 22 *Охлопков.* Топливо в уезде // Красный пахарь. 1920. 14 фев. № 30. С. 1.
- 23 *Холодный.* По уезду. В уезде закипела работа по топливу, а ивановцы спят (с. 2-я Ивановка) // Красный пахарь. 1920. 27 фев. № 42. С. 2.
- 24 *Шербаков Г. И.* По уезду // Красный пахарь. 1919. 16 окт. № 207. С. 1.
- 25 Сектор по делам архивов администрации ОМО Самойловского района. Ф. 64. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–6 об.
- 26 См.: *Михайлова О. А.* Самойловка и самойловцы в недалёком прошлом // Из истории Балашовского Прихопёрья и Балашовского уезда : сб. статей краеведов / отв. ред. Т. Л. Васина. Балашов : Николаев, 2010. С. 122.

Образец для цитирования:

Лёвин С. В. Формирование культурно-образовательной среды в годы Гражданской войны в Саратовской губернии (на материалах Балашовского уезда) // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 394–397. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-394-397>

Cite this article as:

Lyovin S. V. The Formation of the Cultural and Educational Environment During the Years of the Civil War in Saratov Gubernia (Based on the Materials of Balashov District). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 394–397 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-394-397>